

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КИТАЕ: ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНА «ПЕТР ПЕРВЫЙ» А. Н. ТОЛСТОГО

А н н о т а ц и я . Статья посвящена ранее не исследовавшейся в отечественной науке теме. Ее актуальность обусловлена наметившимся в недавнее время (в связи с предстоящим 350-летием со дня рождения) ростом научного интереса к личности и реформам императора Петра Великого не только в России, но и в других странах. Затрагивается проблема имагологической перцепции явлений российской культуры и выдающихся героев российской истории жителями Китая как носителями иной культуры. Рассматриваются переводы и переводчики советского исторического романа «Петр Первый» А. Н. Толстого на китайский язык, являющегося в Китае одним из источников сведений и представлений о русском царе. Отдельно анализируются ставший в КНР классикой перевод, выполненный и впервые изданный в 1986 году русистом Чжу Вэнем, а также исследовательские работы Чжу Вэня об этом романе. Выявляется специфика восприятия Чжу Вэнем образа Петра Первого, устанавливаются обусловившие его идеологические и культурные наслоения. С использованием размещенного в китайском сегменте глобальной сети Интернет материала рассматривается также вопрос восприятия образа российского императора китайскими гражданами – блогером Гао Хуном и продавцами книги в интернет-магазинах. В качестве основного метода научного исследования в статье применяется метод сравнительного лингвокультурологического анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр I, Россия и Китай, межкультурные коммуникации, имагология, образ Петра Великого в Китае, русская литература на китайском языке, роман «Петр Первый» в Китае, Чжу Вэнь

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Маяцкий Д. И. Особенности восприятия Петра Великого в Китае: перевод и интерпретация романа «Петр Первый» А. Н. Толстого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.653

ВВЕДЕНИЕ

Специальное имагологическое изучение оценок восприятия в Китае явлений российской культуры, событий истории, исторических деятелей и прочих ассоциированных с нашим государством феноменов, в том числе различных сторон современной жизни, – достаточно молодое и еще не столь широко распространенное в отечественном китаеведении направление. Между тем оно весьма важно, поскольку напрямую помогает разобраться, как в условиях усиливающейся глобализации и расширяющихся контактов происходят формирование и изменение представлений о нашем государстве в сознании жителей Китая – главного торгово-экономического и политического партнера Российской Федерации. При этом исследование вопросов, непосредственно касающихся того, каким китайцы видят

образ одной из ключевых фигур отечественной истории – императора Петра Великого (1672–1725), началось в 2020 году группой российских ученых: Н. А. Самойловым, Д. И. Маяцким, А. М. Харитоновой и Е. В. Ланьковой. Профессор Н. А. Самойлов опубликовал три статьи, в одной из которых проанализировал сообщения о Петре I маньчжурского сановника Тулишэня, приехавшего с посольской миссией в Россию в 1712–1715 годах и оставившего записи о своей поездке [6]. В другой статье Н. А. Самойлов рассмотрел использование образов Петра Великого и японского императора Мэйдзи (1852–1912) в публицистических сочинениях сторонников Движения за реформы в Китае конца XIX века, обращавшихся к истории России и Японии для обоснования своих идей и предложений [5]. В третьей – исследовал влияние деятельности русского царя

на идеологов того же реформаторского движения [7]. Е. В. Ланькова и Д. И. Маяцкий изучали оценки внешнеполитической и реформаторской деятельности Петра Великого, присутствующие в трудах современных китайских историков [1], [2]. А. М. Харитонов совместно с Д. И. Маяцким опубликовали две статьи, в которых рассмотрели и проанализировали китайские и вьетнамские переводы произведений А. С. Пушкина о Петре I, а также литературные произведения китайских публицистов начала XX столетия о российском императоре [3], [4].

В предлагаемой статье рассматривается вопрос популяризации в Китае сведений о Петре I через китайские переводы одноименного романа А. Н. Толстого (1883–1945). Особый упор делается на изучение проблемы восприятия образа царя автором полного перевода этого произведения на китайский язык Чжу Вэнем, а также китайскими читателями этого перевода.

РОМАН «ПЕТР ПЕРВЫЙ» И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КИТАЕ

Исторический роман-эпопея «Петр Первый» А. Н. Толстого – одно из крупнейших и ярчайших произведений советской литературы первой половины XX века, одно из наиболее известных и популярных произведений, посвященных российскому императору Петру I. Создание романа писатель замыслил еще в 1917 году, непосредственно же трудился над ним со значительными перерывами примерно с конца 1920-х годов до своей кончины в 1945 году, так и не успев завершить его. Получившееся произведение состоит из трех книг. Первая и вторая книги были изданы в 1930 и 1934 годах соответственно. Третью же автор не закончил, но ее тем не менее издали в 1945 году, объединив с двумя первыми частями. Центральным героем в произведении выступает Петр Первый. Повествование организовано вокруг его фигуры и изложено в линейной хронологической последовательности. В общей сложности А. Н. Толстой смог охватить лишь 22 года правления Петра Великого – с 1682 до 1704-й, хотя планировал продолжить повествование дальше, только не известно точно до какого года.

Распространено мнение, что «Петр Первый» писался под идеологический заказ И. В. Сталина и понравился ему, что подтверждает факт присуждения в 1941 году произведению Сталинской премии первой степени. Видные писатели (например, М. Горький¹) и литературоведы в советскую эпоху неизменно давали творению А. Н. Толстого высокие оценки, видели в нем

замечательный образец исторического романа в стиле социалистического реализма². Находили значительное сходство между изображавшейся А. Н. Толстым эпохой и современностью, усматривали скрытые параллели между выдающейся ролью царя Петра и ролью И. В. Сталина в истории России. Считалось, что на примере Петра I автор мог оправдывать кардинальную перестройку старого общества ценой великих жертв и насилия, когда этого требовало всеобщее благо. Роман после первой полной публикации неизменно пользуется популярностью среди отечественных читателей. Об этом свидетельствует тот факт, что, согласно данным каталогов Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, до 1991 года он переиздавался свыше 90 раз, а с 1992 по 2021 год – около 40 раз. Роман «Петр Первый» был переведен на многие языки мира, в том числе китайский.

Судя по имеющейся у нас информации, роман «Петр Первый» переводился на китайский язык тремя переводчиками – Лоу Ши (楼适夷, 1905–2001), Чжу Вэнем (朱雯, 1911–1994) и Цзы Му (子木)³. Из них пока почти ничего не известно о Цзы Му. Можно предположить, что Цзы Му – это псевдоним молодого переводчика, недавно заявившего о себе. Изданный им перевод предлагает сокращенную версию романа. Что касается первых двух переводчиков, то в Китае они достаточно широко известны и авторитетны.

Лоу Ши – псевдоним китайского писателя, переводчика и издателя Лоу Сичуня (楼锡春), творившего также под именем Лоу Цзяньнань (楼建南). Он происходил из уезда Юйяо провинции Чжэцзян (浙江余姚). Получил образование в частной школе. В 1920-х годах занялся литературным творчеством. В 1928 году поступил на учебу в Шанхайский университет искусств (上海艺术大学). В 1929–1931 годах проходил стажировку в Японии, где увлекся русской литературой. По возвращении в Китай вступил в Лигу левых писателей (中国左翼作家联盟). За свои левые взгляды Лоу Ши в 1933–1937 годах по политической статье отбывал тюремное заключение, во время которого занялся переводом произведений русских и японских писателей (М. Горького, А. Толстого, Такидзи Кобаяси и др.). После образования КНР был заместителем главного редактора крупного издательства «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» («Издательство народной литературы», 人民文学出版), советником-консультантом. В 1940 году издал под названием «Петр Великий» (彼得大帝) перевод части романа А. Н. Толстого⁴. В 1949 году этот перевод переиздавался

в Сянгане, в 1950 году – в Пекине⁵. Поскольку он неполный (без третьей книги) и выполнялся с языка посредника (японского), мы не будем рассматривать его подробно.

Чжу Вэнь – псевдоним литератора и переводчика Чжу Хуанвэня (朱皇闻), печатавшегося также под творческими именами Ван Фэнь (王坟) и Мэн Фу (蒙夫). Уроженец Сунцзяна близ Шанхая, он в 1932 году окончил университет в г. Сучжоу (苏州大学). Был учителем в местной школе, преподавателем и профессором в ряде высших учебных заведений Шанхая – Шанхайском юридическом институте (上海法学院), Шанхайском финансовом институте (上海财经学院), Фуданьском университете (复旦大学), Шанхайском педагогическом институте (上海师范学院) и Шанхайском педагогическом университете (上海师范大学教授).

В 1986 году Чжу Вэнь опубликовал перевод романа А. Н. Толстого под названием «Петр Великий» (彼得大帝)⁶. Именно этот перевод стал в Китае классическим, переиздавался не менее шести раз – в 1992, 1998, 2006, 2010, 2016 и 2019 годах⁷. Из других произведений А. Н. Толстого Чжу Вэнь переводил также трилогию «Хождение по мукам» (苦难的历程, издана полностью в 1957 году), повести и рассказы. Кроме того, ему принадлежат переводы произведений немецкого писателя Э. М. Ремарка (Erich Maria Remarque, 1898–1970), американской писательницы П. С. Бак (Pearl Sydenstricker Buck, 1892–1973) и др.

Перевод романа А. Н. Толстого, выполненный Чжу Вэнем, ценен тем, что он полный, осуществлялся с русского языка⁸, и тем, что переводчик является, пожалуй, единственным в Китае крупным русистом, специально занимавшимся научным изучением творчества русского писателя. Именно его исследовательские публикации, посвященные этому роману, позволяют лучше понять, как воспринимал роман китайский переводчик, каким представлял себе творческий замысел А. Н. Толстого, каким видел образ императора Петра Великого.

ЧЖУ ВЭНЬ О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Разбору романа «Петр Первый» Чжу Вэнь посвятил «Предисловие» (входит во все издания романа в переводе Чжу Вэня) и две статьи⁹.

В статье «Первый подлинно исторический роман»¹⁰ Чжу Вэнь предполагает, что, создавая роман, А. Н. Толстой мог ставить перед собой многие цели, главными из которых были: воссоздать подлинный образ героя конкретной исторической эпохи и через него передать дух

этой эпохи, параллельно на страницах романа воспроизвести полотно жизни россиян в конце XVII – начале XVIII века с происходившими тогда судьбоносными для Российского государства историческими событиями, инициатором и творцом многих из которых был царь Петр (Чжу Вэнь: 10). Поэтому переводчик исходит из того, что показанный в романе главный герой максимально близок историческому прототипу.

Особое внимание переводчик обращает на особенности психологического портрета царя, в ключевых чертах которого находит как положительные, так и отрицательные стороны. Например, он называет выделявшую Петра I среди современников и других правителей талантливость (才艺出众), невероятную энергичность (热情奔放), беспощадную жестокость (残酷无情), самостоятельность и непоколебимую решительность в действиях (独断专行). Особенно переводчик выделяет уходящую, по его мнению, корнями в юные годы, проходившие на фоне опасной политической борьбы и его дружбы с цивилизованными иностранцами, острую, почти слепую, нетерпимость к варварству, консерватизму, малейшим посягательствам на его самодержавную власть, личные идеалы и начинания (Чжу Вэнь: 11). В борьбе с такими оппонентами царь «прибегал к мерам бесчеловечным, а иногда – до крайности жестоким» (所使用的手段是野蛮的, 有时甚至是极端残忍的 (Чжу Вэнь: 11)). Впервые эти черты, как считает Чжу Вэнь, в романе проявляются во время описания подавления стрелецкого бунта 1698 года. Тогда молодой монарх лично проводит беспрецедентное по масштабам и последствиям (旷古未有), беспощадное разбирательство, своими руками казнит нескольких стрельцов. Эта готовность замарать собственные руки в крови политических врагов весьма удивила и даже потрясла переводчика, обращающегося в своем описании к ярким эмоционально окрашенным эпитетам (например, «неслыханная чудовищность» 骇人听闻), сквозь которые проскальзывают нотки ужаса. Переводчик едва ли не называет самого царя «варваром». Чжу Вэнь был склонен считать, что «таким в реальности было все царствование Петра», проводившего свои преобразования настойчиво, во что бы то ни стало, не чураясь самых крайних мер, «жестоко угнетая трудовой народ и особенно – крепостных крестьян» (Чжу Вэнь: 11). Также Чжу Вэню показалось, что автор романа ничуть не пытался приукрасить повествование, сгладить его, скрыть, какую в действительности цену заплатила Петровская Россия ради преодоления многовековой отсталости и выдвижения

в ряды великих держав. В этом он видит следование автора произведения принципу реалистического историзма. Специфические особенности характера Петра Великого он объясняет «проявившимся в нем отпечатком классовых и исторических противоречий» (揭示出阶级和时代的矛盾在他身上打下的烙印) (Чжу Вэнь: 11). Такие черты переводчик воспринимает как отрицательные.

Стремясь быть объективным и признавая масштаб фигуры Петра Первого, Чжу Вэнь находит в нем и другие, на его взгляд, отрицательные стороны:

«Действительно Петр Великий был поистине выдающейся личностью, но всю свою жизнь он непрестанно стремился расширить границы за счет захватнических походов. Россия нуждалась в водном пространстве. Целью первой войны с Турцией для Петра Великого было обретение выхода в Азовское море, целью войны со Швецией – получение выхода к Балтийскому морю, целью второй войны с Турцией – овладение проходами к Черному морю. Захват земель и расширение были отправной точкой всех его действий... Но именно эта захватническая направленность [царя] почти не была А. Толстым в романе раскрыта и подвергнута осуждению» (Чжу Вэнь: 13).

Чжу Вэнь видит недостаток произведения в том, что советский писатель не осмысливает критически внешнеполитическую активность Петра Великого, наоборот, даже как будто занимает сторону императора, оправдывая эти и другие его так называемые недостатки.

В то же время Чжу Вэнь видит Петра Первого государственным мужем незаурядных качеств – обладающим сильной тягой к знаниям, острым умом, полным неиссякаемой энергии и сил, хозяйственно вникающим в мельчайшие нюансы государственных дел, беспощадным к себе и другим, готовым на собственном опыте показать окружающим пример следования своим нововведениям (Чжу Вэнь: 12). Чжу Вэнем отмечена необычность и авантюрная рискованность поступка молодого Петра, впервые в истории России отправившегося с продолжительным посольством за рубеж. Вызвала у переводчика определенные симпатии в первый раз замеченная им во время изображения Азовских походов 1695–1696 годов граничившая с упрямством стойкая целеустремленность царя, не опустившего руки после первой неудачи, наоборот, резко повзрослевшего и вознамерившегося во что бы то ни стало захватить Азов. Именно эти качества, как считает переводчик, в сочетании с умением извлекать из прошлых ошибок необходимые уроки, вдумчиво и творчески исправлять их (со скрупулезной проработкой

планов, максимально широким привлечением научных расчетов, строительством необходимых сооружений и т. д.), способствовали впоследствии успеху второго похода. И так происходило после любой неудачи, пусть даже крупной и должной для царя быть крайне унижительной. Монарх не считал позорным оставить в 1700 году под Нарвой свои войска, когда увидел их худшую подготовленность к войне в сравнении со шведами (Чжу Вэнь: 13). И хотя историки по-разному трактуют эти события, переводчик усматривает в них типичный пример мудрого прагматизма, изобретательности и необыкновенной внутренней силы российского государя. По мнению Чжу Вэня, царь Петр смог быстро оценить свои ошибки и как проницательный стратег решил в той ситуации пожертвовать огромным войском, чтобы приступить к исправлению ошибок, выждать и впоследствии отыгаться.

В этих трактовках улавливается имманентная связь Чжу Вэня с традиционными китайскими представлениями о правильном поведении идеальных древних политиков и военачальников, кому было присуще стратагемное мышление. Такое мышление он явно приписывает и Петру Первому, усматривая в его действиях следование этим или другим стратагемам: «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик» (стратагема № 11, то есть отдать менее значительное и сохранить более важное¹¹), «Бегство – лучший прием» (стратагема № 36, то есть уйти от опасности, чтобы в будущем одержать победу¹²). И если человек западной культуры сочтет бегство царя с поля боя позорным пятном в биографии, то получивший традиционное образование китайский интеллигент, наоборот, увидит в том не предосудительный, а вполне адекватный способ решения проблемы. Поэтому для переводчика является глубоко символическим эпизод возвращения Петра в 1704 году под Нарву, где царь теперь уже уверенно одолевает врага и рефлексировал над случившейся за четыре года до этого катастрофой: победа означает, что стратагема реализована успешно.

Чжу Вэнь подмечает глубокий историзм произведения, просматриваемый в скрупулезном воспроизведении автором исторических фактов и образов героев, сочетающемся с художественным вымыслом:

«Опираясь даже на несущественные разрозненные фактические материалы, автор смело и твердо изображает эпоху через призму собственного воображения и интуиции. Исторический роман не должен заикливаться на деталях того или иного персонажа или события, он допускает фикцию» (Чжу Вэнь: 14).

По мнению переводчика, А. Н. Толстой фактически создает грандиозную биографию исторической личности с элементами вымысла, причем вымысел допускается им лишь в некоторой степени – ровно в такой, чтобы вызвать ощущение, будто герои и события описывались так, как, скорее всего, они должны были в той ситуации выглядеть. Ход повествования подчинен логике исторического развития, даты важных событий передаются аккуратно и выступают в качестве узловых моментов в сюжетной линии. Случайные и не имеющие реального исторического смысла даты могут быть вымышленными, как и придуманные второстепенные герои. Основные исторические события оказываются важным фактором, влияющим на развитие личности Петра Первого.

Рассуждая о чертах характера Петра Великого, Чжу Вэнь в некоторой мере оказывается зависимым от популярных в китайской интеллектуальной среде второй половины XX века идеологических стереотипов традиционных культурных наслоений. Он цитирует осуждающие Петра I работы классиков марксизма-ленинизма, ретранслирует оценки китайских историков, писавших о внешней политике и реформах царя (см. [1], [2]). Расхождение в позиции А. Н. Толстого с ними, равно как и сдержанность писателя в обличении мрачных сторон Петровской эпохи, подмена осуждения педалированием национальной идеи, рассматривается как заслуживающий критики существенный недостаток произведения. Также Петру Первому приписывается типичная для выдающихся китайских исторических деятелей стратегичность мышления, позволяющая переводчику по своему увидеть связи между мотивами и поступками царя.

КИТАЙСКИЕ ЧИТАТЕЛИ О РОМАНЕ «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

В китайской сети Интернет отзывов о романе А. Н. Толстого встречается немного. Это можно объяснить тем, что роман все еще недостаточно широко известен китайскому читателю – причем настолько, что его авторство могут ошибочно приписывать знаменитому однофамильцу советского писателя Льву Николаевичу Толстому¹³.

О романе нам удалось найти одну развернутую (объемом чуть более 11 000 иероглифических знаков) статью «Размышления после прочтения “Петра Первого” [русского писателя] А. Толстого» малоизвестного китайского блогера Гао Хуна (高宏), опубликовавшего ее на портале «Лучшие стихи и проза» (品诗文), и несколько

лаконичных аннотаций с сайтов книжных магазинов, в которых, несмотря на краткость, можно встретить описывающие Петра I оценочные суждения¹⁴.

О Гао Хуне информации нет, но, судя по содержанию его статьи, он либо хорошо знаком с русской литературой (то есть отнюдь не является заурядным обывателем), либо использовал при ее подготовке не названные им материалы профессиональных русистов. В статье, видимо, с целью ввести непосвященных читателей в курс дела сначала предлагается краткое изложение содержания романа, в основной части разбираются фрагменты в переводе Чжу Вэня. Автор поясняет, что Петр I – выдающийся российский император,

«осуществивший на рубеже XVII–XVIII веков в России масштабные реформы, глубоко и сильно повлиявшие на политику, военное дело, экономику, культуру и образ жизни россиян, отчего о нем часто пишут историки, поэты и писатели»¹⁵.

Блогер, как и Чжу Вэнь, отмечает полудокументальный характер романа, поясняет, что при его написании А. Н. Толстой использовал множество архивных документов (например, бумаги ведомств той эпохи, протоколы следствий и др.), воспоминания современников, указы и письма Петра I, богатый этнографический материал и проч. Взяв за основу почерпнутые оттуда сведения, писатель дополнил их художественным вымыслом. Получилось претендующее на достоверность полуисторическое, полухудожественное повествование. Поэтому автор статьи исходит из того, что Петр I в реальной жизни был примерно таким, каким изобразил его А. Н. Толстой.

Император, по словам Гао Хуна, показан в своем становлении и развитии – от капризного, взбалмошного, увлекавшегося вином и военными играми, боявшегося сестру царевну Софью и ее сторонников царевича до зрелого, сильного и энергичного правителя. Автором отмечены основные вехи взросления государя – стрелецкий бунт 1689 года и бегство Петра в Троице-Сергиеву лавру, поездка в Архангельск и знакомство с морем и иностранцами, Азовские походы, Великое посольство, Северная война с поражением и победой под Нарвой (1700 и 1704 годы). Блогер замечает, что Петр I по уровню воспитания невыгодно отличался от европейских монархов, смотрелся на их фоне грубым и бескультурным мужиком (庄稼汉), не знакомым со светскими манерами, способным, например, шокировать европейских знатных дам грязными ногтями¹⁶. Но он быстро учился, старательно менялся в лучшую сторону сам и менял Россию.

И этот общий созидательный настрой Петра I, как считает автор статьи, вкупе с его любознательностью, трудолюбием и целеустремленностью придает его образу очарование и некую притягательную силу, затмевающие видимые недостатки – любовь к кутежам, склонность к жестоким поступкам и др. Вполне вероятно, что написавший эту статью блогер был хорошо знаком с «Предисловием» Чжу Вэня к переводу романа, потому что многие формулировки (особенно в части изложения обстоятельств создания романа) у них совпадают, за исключением того момента, что Гао Хун все же отходит от трактовок в духе К. Маркса и Ф. Энгельса.

В недавних аннотациях к продаваемым в сети Интернет изданиям романа «Петр Первый» (в переводе Чжу Вэня) информация дается ожидаемо однотипная и скупая, но в общем-то объективно правдивая. Иногда встречаются и оригинальные замечания. Например, в одной из аннотаций о Петре Великом говорится:

«[Он был] человеком, стоявшим в авангарде своего времени. Именно его дальновидность изменила историю России и направление ее развития... Петр Великий, царь, который вел Россию по пути процветания и могущества, в возрасте двадцати пяти лет инкогнито посетил Германию, Нидерланды, Данию и Соединенное Королевство. Помимо изучения кораблестроения и военных мануфактур, он обращал внимание также и на жизнь в этих странах. Осознал важность вестернизации и модернизации своего государства.

Благодаря жестким, железным методам руководства, уникальному личному обаянию и скрупулезно проведенным реформам он поднял отсталую Россию из бездны невежества, сделал ее европейской военной державой. Можно сказать, что политика развития экономики, вооруженных сил, культуры, образования и общественные нравы современной России восходят к эпохе Петра Великого.

С тех пор как Петр Великий самоотверженно учился у Запада, прошло более трехсот лет. Россия начала новый виток интеграции с Западом, взяв для себя в качестве модели западный образ жизни и ценности... Теперь уже не под руководством самодержца Петра Великого, но президента России Владимира Путина Россия движется к воплощению мечты Петра Великого. Сможет ли он своей мудростью дать России новую силу и изобилие, сможет ли он стать еще одним Петром Великим?...»¹⁷.

Автор этого резюме, отдав дань частой среди китайской интеллигенции привычке мыслить исторично и находить для современности аналогии в прошлом, не удержался и провел кажущи-

ся ему очевидными параллели между Россией нынешней и Петровской, оформив их в виде обращенного к читателю риторического вопроса. Но это мог быть и намеренно интригующий маркетинговый ход, призванный заинтересовать читателя, побудить его купить и прочесть книгу, дабы поискать в ней ответ на заданный вопрос. В то же время в аннотации отсутствует присущий публикациям Чжу Вэня идеологический налет, более актуальный для 1980-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев вопрос распространения в Китае сведений о Петре I через одноименный роман А. Н. Толстого, мы узнали, что это произведение доступно в переводах трех переводчиков – Лоу Ши, Чжу Вэня и Цзы Му. Наиболее массовым является считающийся лучшим полный перевод (с русского языка) Чжу Вэня. Мы также изучили проблему перцепции образа Петра Великого Чжу Вэнем и китайскими читателями его перевода, обратив внимание на то, что характер его восприятия на протяжении прошедших 35 лет хотя и имел ряд общих черт, но все же немного изменился. Чжу Вэня и более поздних читателей объединяет объективное понимание ключевой и революционной роли Петра Великого в историческом развитии России. Также читатели исходят из того, что, создавая свой роман, А. Н. Толстой стремился по возможности точно передать исторический образ Петра Великого и его время. Поэтому портрет главного героя представляется им исторически достоверным, с присущими ему как положительными, так и отрицательными качествами и, по большому счету, примерно таким, каким он видится россиянам. Но при этом переводчик в своих статьях оказывается во власти традиционных китайских представлений о мудром военном и политическом деятеле. Также он делает значительный акцент на впечатлениях отрицательных, обнаружив зависимость от оценок, данных Петру Великому классиками марксизма и китайскими историками. Более поздние читатели от таких идеологических наслоений освобождены и стремятся рассматривать царя, апеллируя к общечеловеческим ценностям и контексту российской истории, в последнем случае возможны даже попытки проведения аналогий с современным положением в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949–1956. Т. 30. С. 280.

² Там же. С. 280.

³ 阿·托爾斯泰著, 彼得大帝第一部 / 樓適夷譯, 上海: 遠方書店, 1940年. 465頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Ши. Шанхай: Юаньфан шудянь, 1940. 465 с.); 阿·托爾斯泰著, 彼得大

- 帝第一部 / 樓適夷譯, 香港: 新中國書局, 1949年。467頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Ши. Сянган: Синь чжунго шуцзюй, 1949. 467 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝第一部 / 樓適夷譯, 北京: 三聯書店, 1950年。467頁。(Толстой А. Н. Петр Первый. Книга первая / Пер. Лоу Ши. Бэйцзин: Саньлянь шусянь, 1950. 467 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 1986年。1075页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1986. 1075 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 外国文学出版社, 1992年。1075页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Вайго вэньсюэ чубаньшэ, 1992. 1075 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 (上下) / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 1998年。1071页。(Толстой А. Н. Петр Первый: В 2 т. / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1998. 1071 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 2006年。878页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Бэйцзин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2006. 878 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 上海: 文艺出版社, 2010年。629页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Шанхай: Вэньи чубаньшэ, 2010. 629 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 上海: 文艺出版社, 2016年。656页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Шанхай: Вэньи чубаньшэ, 2016. 656 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝 / 朱雯译, 北京: 人民文学出版社, 2019年。655页。(Толстой А. Н. Петр Первый / Пер. Чжу Вэня. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2019. 655 с.); 阿·托尔斯泰著, 彼得大帝传 (上下) / 子木译, 北京: 人民日报出版社, 2014年。541页。(Толстой А. Н. Жизнь Петра Великого: В 2 т. / Пер. Цзы Му. Пекин: Жэньминь жибао чубаньшэ, 2014. 541 с.).
- ⁴ См. в примечании 3.
- ⁵ См. в примечании 3.
- ⁶ См. в примечании 3.
- ⁷ См. в примечании 3.
- ⁸ Толстой А. Н. Петр Первый. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. 863 с.
- ⁹ 朱雯, “第一部真正的历史小说”——读阿·托尔斯泰的《彼得大帝》// 外国文学研究, 1986年, 01期。第10–17页。DOI: 10.19915/j.cnki.fl.1986.01.002。(Чжу Вэнь. Первый настоящий исторический роман – О впечатлениях после прочтения «Петра Первого» А. Толстого // Изучение иностранной литературы. 1986. № 1. С. 10–17); 朱雯, 阿·托尔斯泰和他的《彼得大帝》// 上海师范大学学报, 1986年01期。第1–8页。DOI: 10.13852/j.cnki.jshnu.1986.01.002。(Чжу Вэнь. А. Толстой и его «Петр Первый» // Вестник Шанхайского педагогического университета. 1986. № 1. С. 1–8).
- ¹⁰ 朱雯, “第一部真正的历史小说”——读阿·托尔斯泰的《彼得大帝》// 外国文学研究, 1986年, 01期。第10–17页。DOI: 10.19915/j.cnki.fl.1986.01.002。(Чжу Вэнь. Первый настоящий исторический роман – О впечатлениях после прочтения «Петра Первого» А. Толстого // Изучение иностранной литературы. 1986. № 1. С. 10–17). Далее в тексте ссылки на это издание даются в круглых скобках (ФИО и через двоеточие страницы).
- ¹¹ Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000. С. 71.
- ¹² Там же. С. 181.
- ¹³ 匿名作者, 彼得大帝是谁的作品: 托尔斯泰, 19世纪初苏联作家 (Аноним. Кем написан «Петр Первый»: Толстой, советский писатель начала XIX века). Available at: <https://www.meixingnan.com/zh-cn/lieq/guojukaixun/184639.html> (accessed 01.06.2021).
- ¹⁴ 彼得大帝 (Петр Первый). Available at: <https://book.douban.com/subject/26899165/> (accessed 01.06.2021); 高宏, 彼得大帝[俄罗斯]阿·托尔斯泰读后感 (Гао Хун. Размышления после прочтения «Петра Первого» [российского писателя] А. Толстого). Available at: <https://www.pinshiwen.com/waiwen/xiaoshuo/2019050114592.html> (accessed 01.06.2021).
- ¹⁵ 高宏, 彼得大帝[俄罗斯]阿·托尔斯泰读后感 (Гао Хун. Размышления после прочтения «Петра Первого» [российского писателя] А. Толстого). Available at: <https://www.pinshiwen.com/waiwen/xiaoshuo/2019050114592.html> (accessed 01.06.2021).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ 彼得大帝 (Петр Первый). Available at: <https://book.douban.com/subject/26899165/> (accessed 01.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ланькова Е. В. Оценка реформаторской деятельности Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546
- Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512
- Маяцкий Д. И., Харитонов А. М. Переводы произведений А. С. Пушкина о Петре Великом на китайский и вьетнамский языки // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сб. материалов V междунар. научно-практ. очно-заочной конф. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2020. С. 229–238.
- Маяцкий Д. И., Харитонов А. М. Петр Великий и оценка его достижений в произведениях китайских и вьетнамских литераторов первых годов XX века // Клио. 2020. № 11 (167). С. 26–31.

5. Самойлов Н. А. Император Мэйдзи и Петр Великий: Образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века // Япония XXI NOVA: эра и век / Сост. В. М. Алпатов, С. И. Амара и др. СПб.: Art-xpress, 2020. С. 587–599.
6. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33
7. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Dmitrii I. Maiatskii, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

SPECIFIC PERCEPTION OF PETER THE GREAT IN CHINA: TRANSLATION AND STUDY OF ALEKSEY TOLSTOY'S NOVEL *PETER THE FIRST*

Abstract. The article addresses the issue that has not been previously studied in Russia, but is of high relevance at the moment because of the recently growing academic interest in the Emperor Peter the Great both in Russia and abroad due to the upcoming three hundred and fiftieth anniversary of his birth. The article touches upon the imagological perception of some phenomena of Russian culture and outstanding figures of Russian history by the Chinese as bearers of another culture. The author investigates the Chinese translations and translators of Aleksey Tolstoy's Soviet historical novel *Peter the First*, being one of the important sources of information and perceptions of the Russian Emperor in China. One classical translation, first published in 1986 by a Chinese Russianist Zhu Wen, and his research works on this novel are of particular importance for the study. The article identifies how Zhu Wen specifically perceived the image of Peter the Great and establishes the ideological and cultural layers that shaped his perception. Based on the materials from the Chinese segment of the global Internet, the author studies the perception of the Russian Emperor's image by a Chinese blogger Gao Hong and the authors of the novel summaries from Chinese online bookstores, using linguo-culturological analysis as the key research method.

Keywords: Peter the Great, Russia and China, intercultural communication, imagology, image of Peter the Great in China, Russian literature in Chinese, novel *Peter the First* in China, Zhu Wen

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

For citation: Maiatskii, D. I. Specific perception of Peter the Great in China: translation and study of Aleksey Tolstoy's novel *Peter the First*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.653

REFERENCES

1. Lankova, E. V. Evaluation of Peter the Great's reform activities in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(8):23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546 (In Russ.)
2. Maiatskii, D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512 (In Russ.)
3. Maiatskii, D. I., Kharitonova, A. M. Translations of Alexander Pushkin's works about Peter the Great into Chinese and Vietnamese. *Philological and sociocultural issues of science and education: Proceedings of the V international research and practical conference*. Krasnodar, 2020. P. 229–238. (In Russ.)
4. Maiatskii, D. I., Kharitonova, A. M. Peter the Great and evaluation of his achievements in the literary works of Chinese and Vietnamese authors of the early 20th century. *Klio*. 2020;11(167):26–31. (In Russ.)
5. Samoylov, N. A. Emperor Meiji and Peter the Great: The image of reforming rulers in Chinese social thought at the end of the XIX century. *Japan XXI NOVA: era and century*. (Alpatov V. M., Amara S. I. et al, Eds.). St. Petersburg, 2020. P. 587–599. (In Russ.)
6. Samoylov, N. A. Image of Peter I in the "Records" written by the Qing Dynasty diplomat Tulišen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33 (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489 (In Russ.)

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021